

Людмила Константиновна Нефедова

Омский государственный педагогический университет, доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии, Омск, Россия
e-mail: konstans50@yandex.ru

Алина Сергеевна Савоськина

Омский государственный педагогический университет,
старший преподаватель кафедры отечественной истории, Омск, Россия
e-mail: savoskina_lina@mail.ru

Эстетическое начало антропологических оснований цивилизационной устойчивости

Аннотация. В статье актуализированы эстетические начала цивилизационной устойчивости. Опираясь на существующие подходы к пониманию феномена цивилизации в трудах О. Шпенглера, А. Дж. Тойнби, Н. Я. Данилевского, В. С. Степина, авторы предлагают рассматривать цивилизацию не просто как особую ступень развития культуры и социума, но в корреляте с ключевыми формами бытия: природой, социумом, культурой и человеком, что открывает возможность эксплицировать в дальнейшем исследовании роль эстетического начала в философско-антропологических смыслах цивилизационной устойчивости. Преимущественное внимание уделено историческим примерам формирования устойчивости русской цивилизации.

Ключевые слова: цивилизация, устойчивость, человек, культура, эстетическое начало, идентичность.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках междисциплинарной научной лаборатории ОмГПУ «Философия образования и философия в образовании».

Lyudmila K. Nefedova

Omsk State Pedagogical University, Doctor of Philosophical Sciences, Professor,
Head of the Department of Philosophy, Omsk, Russia
e-mail: konstans50@yandex.ru

Alina S. Savoskina

Omsk State Pedagogical University, Senior Lecturer of the Department of National History, Omsk, Russia
e-mail: savoskina_lina@mail.ru

The Aesthetic Principle of the Anthropological Foundations of Civilisational Stability

Abstract. The article actualizes the aesthetic principles of civilisational stability. Based on existing approaches to understanding the phenomenon of civilisation in the works of O. Spengler, A. J. Toynbee, N. Ya. Danilevsky, V. S. Stepin, the authors propose to consider civilisation not just as a special stage in the development of culture and society, but in correlation with key forms of being: nature, society, culture and man, which opens up the opportunity to explicate in further research the role of the aesthetic principle in the philosophical and anthropological meanings of civilisational stability. The primary attention is paid to historical examples of the formation of the stability of Russian civilisation.

Keywords: civilisation, sustainability, man, culture, aesthetic principle, identity.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the interdisciplinary research laboratory of OmSPU "Philosophy of Education and Philosophy in Education".

Введение (Introduction)

Понятие цивилизации в современных дискурсивных практиках претерпевает процессы расширения смыслов.

Дефиниция «цивилизация» в последнюю треть XX в. представлена в культурологии в корреляте с понятием культуры [1, с. 40], а в XXI в. историками — в корреляте с понятием

© Нефедова Л. К., Савоськина А. С., 2025

Для цитирования: Нефедова Л. К., Савоськина А. С. Эстетическое начало антропологических оснований цивилизационной устойчивости // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2025. № 3 (48). С. 18–22.
DOI: 10.36809/2309-9380-2025-48-18-22

исторического процесса, что, однако, отнюдь не способствовало прояснению самого понятия цивилизации. Латинская этимология (*civil* — город) не столько раскрывала истоковые валентности смыслов, сколько активно сужала горизонты понятия, практически сводя его к смыслам городской культуры. Обратившийся к процессу цивилизационного развития А. Тойнби, с одной стороны, актуализировал вопрос об онтологическом статусе цивилизации, с другой стороны, специфика феномена цивилизации как такового оказалась в тени диалектики исторического процесса. Мало что прояснила и типология цивилизаций, которая, разумеется, является прекрасным инструментом рефлексии конкретных цивилизационных феноменов. Между тем понятие цивилизации становится общеупотребительным в современных культурных практиках, прежде всего в практиках коммуникации, управления, требуя прояснения сущностных характеристик, а не апофатического приема отрицания того, чем цивилизация не является. Действительно, цивилизация *не есть* общество, культура, *не есть* исторический процесс, тем более — *не есть* форма городской культуры.

Методы (Methods)

Осмысление онтолого-антропологических и эстетических оснований устойчивости цивилизации преимущественно на примере русской цивилизации опиралось на бинарные оппозиции: природа — цивилизация; цивилизация — человек; цивилизация — социум; цивилизация — культура. Кроме того, авторы обращались к идеям отечественной и зарубежной исторической науки, которая осмысляет специфику русской цивилизации на примерах исторической фактологии.

Литературный обзор (Literature Review)

Дефиниции: цивилизация, цивилизационный, цивилизованность, — раскрывают смыслы в различных контекстах. Образовательный контекст представлен у И. Канта, полагавшего, что для обретения цивилизованности следует обуздать дикость [2, с. 449]. Явно и имплицитно понятие цивилизации рассматривалось в контекстах философии истории Г. В. Ф. Гегеля [3], в культурно-исторических типах Н. Я. Данилевского [4], О. Шпенглера [5], в контексте исторического процесса у А. Дж. Тойнби [6].

Контексты представлены в раскрытии смысла бинарных оппозиций. Прежде всего, оппозиция «цивилизация — культура» [7]. Советский и российский философ В. С. Степин рассматривал три значения понятия цивилизации в контекстах культуры: 1) совокупность культурных достижений человечества; 2) переход от первобытного состояния общества к древним формам сельской и городской жизни; 3) вслед за О. Шпенглером Степин актуализировал противоположность культуры и цивилизации [7, с. 79–80], при этом в приоритете его концепции было осмысление ряда культурных форм: науки, экономики, права, идеологии и их субъекта — человека.

В целом понятие цивилизации в истории философии выступало синонимом исторического процесса, постепенно высвечивая и проясняя свои сущностные характеристики, обретая энциклопедически выверенное понимание того, что цивилизация — это «форма культурной общности людей,

или мегакультура, имеющая широчайший спектр признаков, определяющих культурную самобытность народов. Феномен цивилизации выполняет несколько взаимосвязанных функций. Прежде всего, она несет некую универсальность и, более того, претендует на то, чтобы быть эталоном универсальности на фоне других человеческих сообществ» [8, с. 22].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Опираясь на вышеприведенные позиции, мы исходим из того, что общество и культура — наиболее общие формы бытия, наряду с природой и человеком. Исторический процесс — изменчивая ткань бытия и природы, и человека, и общества, и цивилизации. Однако если природу, культуру, человека, общество можно абстрагировать друг от друга, поскольку их сущностные характеристики явлены в их взаимодействии, синкретизме и даже — в синтезе, то цивилизация требует какого-то особого инструментария для своего абстрагирования: слишком многообразны и неуловимы при всей явленности взаимодействий форм бытия цивилизационные образования. Достаточно легко согласиться, что, скорее всего, это ступень в цепочке «дикость — варварство — цивилизация». Следовательно, раскрытие сущностных характеристик феномена цивилизации предполагает необходимость увидеть данный феномен на пересечении основных форм бытия (природы, культуры, социума, человека) в их пространственно-временном и деятельностном континууме, что означает недостаточность осмысления цивилизации в русле того или иного отдельного философского дискурса — культурфилософского, антропологического, онтологического или историко-философского, а тем более в русле культурологии или истории, которые служат эмпирическим маркером в выработке категориальных смыслов феномена цивилизации.

Так, если обратиться к философско-антропологическим смыслам города как формы цивилизации, то история вполне очевидно дает примеры экспансии города до уровня государства (полис), до союза городов-земель, составляющих государственное образование, а затем на этой основе становления сложного социально-территориального культурно-политического образования — империи. Подчеркнем, что речь идет об империях разных временных периодов в Китае, Персии, Риме, Византии, России — тех государственных образованиях, где титульные этносы были субъектами оседлой культуры. Заметим также, что практическая необходимость понятия цивилизации возникает именно при осмыслении феномена империи. В современной отечественной культуре оба этих феномена подвергаются активной рефлексии, в связи с чем полагаем, что осмысление универсального начала категории цивилизации предполагает обращение к специфике русской цивилизации.

Прежде всего, рассмотрим три аспекта в диалектике изменчивости и устойчивости проектов русской цивилизации: а) оппозицию природы и цивилизации; б) оппозицию человека и природы; в) оппозицию цивилизации и культуры. Цель обращения к данным бинарным оппозициям — выявление роли эстетического начала в смыслах цивилизации.

Диалектика изменчивости и устойчивости проектов русской цивилизации явлена непосредственно в самом процессе

отечественной истории, а также осмысливается в философии и исторической науке. Изменчивость — устойчивость русской цивилизации всегда соотносилась в истории Руси, России, Советского Союза с историософским смыслом и целеполаганием данных социальных образований.

Известная мысль о том, что все империи приходят к упадку и гибели, не находит подтверждения. Выясняется — не все: Персия, Китай, Индия, Россия оказались достаточно жизнеспособными. Недолговечными оказались колониальные империи Нового времени, в которых преобладала экспансия захвата и эксплуатации захваченных территорий, удаленных от имперского центра. Исторически обозримый срок был у кочевых империй. Так, Великая империя Моголов сократилась до локального государства Монголии и провинции в Индии, а османам пришлось преодолеть кочевой архетип культуры [1, с. 178–185], найдя в его феноменологических характеристиках энергию для строительства оседлого государственного образования, вмещенного не только в захваченную территорию Византии, но и в ее культурные паттерны.

По всей вероятности, история, действительно, имеет свои цели и смыслы в сохранении одного социокультурного образования и разрушении другого. Здесь вполне уместна ссылка на «небесную историю» Н. С. Бердяева [9, с. 54]. Однако для нас вопрос изменчивости — устойчивости цивилизации — это не столько вопрос веры, сколько философско-антропологической квалификации смыслов цивилизации в результате рефлексии репрезентаций русской цивилизации на основе идеи двух базовых форм бытия: природы и культуры, — с применением метода моделирования. Далее представим рефлексии на примерах истории русской цивилизации.

Коррелят природы и цивилизации в истории нашего отечества зафиксирован в воззрениях древних славян на природу, в русском фольклоре, в летописях, в исторических документах. Так, русский князь Андрей Боголюбский заложил основы для переноса государственной власти на северо-восток, в том числе и для формирования идеи сакрального статуса Владимирской Руси. В этом переносе также нашло свое отражение эстетическое чувство Русской земли, носителем которого был Андрей Боголюбский: тихая красота самих земель, отраженная в православной архитектуре. Неявно включилась эстетика собирания земель, их наследования, бережного сохранения. К эстетическому чувству места, чувству хозяина своей земли подключалось этическое отношение: земное, чувственное, эстетическое, что давало опору для трансцендентного, небесного — этического. Природным началом такого взаимодействия земного и небесного в истоках русской цивилизации является сама территория, место и оседлость как стержневой компонент культурного архетипа — основы сохранения родной земли — пространства, места жизни, социально-культурного региона [10, с. 154]. Симбиоз земного и небесного звучит в русской сакральной архитектуре на всех этапах ее стилистического развития. Об устойчивости взаимосвязи земного и небесного (профанного и сакрального) говорит и разработка идеи русского пейзажа в художественной прозе, в поэзии, музыке, живописи.

Идея устойчивости русской цивилизации явлена в модальном характере средневековых миграций на территории Восточной Европы, который был иным, чем на западе. Римские завоевания — имперская экспансия и варварское сопротивление с последующим вживанием в цивилизационные основы Рима: язык, религию, право, искусство, экономику. Практически все государства романо-германского языкового региона — наследники Рима. В то же время налицо территориальная раздробленность, атомизация территории, что нашло выражение в формировании малых государств. Так, Германия еще в XIX в. представляла собой в социальном плане земли-княжества. Миграционные процессы Восточной Европы — это не только столкновения, но сосуществование и взаимодействие пространств леса и степи, оседлости и кочевья. Взаимодействие, устремленное к складыванию устойчивого центра.

Определенную роль здесь, вероятно, сыграла и природа. Природа Западной Европы для человека — родная мать. Природа Восточной Европы — мачеха [11, с. 45]. Образовался удивительный симбиоз этих смыслов от названия растения «мать-и-мачеха», которое великолепно лечит простуду, до образов матери и мачехи в русских народных сказках. Изнеженное неуклюжее, ленивое, избалованное дитя под материнским патронажем и умелица, умница, радивица — падчерица [12, с. 145–147]. Земля ценилась как место дома, как поле, ждущее возделывания, как лес, река, озеро, зовущие к промыслу. Здесь было не тесно. Агрессия набеговой экономики невольно теснилась сосредоточенным спокойствием сообразного природе хозяйствования.

Изначально центр древнерусской государственности сложился в так называемом «славянском квадрате» — между Киевом, Черниговом, Смоленском и Новгородом. Это пространство стало плацдармом для дальнейшей экспансии: в южном направлении — это борьба со степью (хазарами, печенегами, половцами), попытки закрепиться в Причерноморье; на север — освоение Новгородом Поморья и Прибалтики; в сторону востока — продвижение в Волжско-Окское междуречье (Владимир, Суздаль, Москва). Россия не просто «захватывала» земли, но интегрировала их в единое пространство, создавая уникальную евразийскую цивилизацию.

Аспект бинарной оппозиции «человек — природа». Человек в его отношении к пространству Руси, царской России, СССР, России после распада СССР — это человек, в культурном коде которого заложено чувство обширного пространства, возможности свободного дыхания на этом пространстве. Так или иначе, это чувство пространства является общим для всего этнического состава России.

Модальность связи человека с пространством включает адаптацию, преодоление, эстетизацию. Отношение человека к территории формирует культурный архетип и определяет способы взаимодействия с ней (приспособление, борьба, созидание), ценностные доминанты (утилитарные, сакральные, эстетические) и характер цивилизации (кочевой, оседлый, торгово-городской). Если мы говорим о модальности освоения пространства, то у кочевых цивилизаций в самой их сущности заложены преодоление и подвижность, пространство там воспринимается

в оппозиции «враг — союзник». Например, монголы времен Чингисхана воспринимали степь как «дорогу» — ценность имела не земля, а траектории перемещения. Бедуины Сахары адаптировались через минимализм (шатры, легкая утварь) и поэтизацию пути (лирика о караванах). Если мы говорим об оседлых цивилизациях, то у них главное — освоение и сакрализация. Складывается устойчивое отношение: дом — это храм. Примером может служить сакрализация рек: Днепр как святая река, на которой расположен «Киев — мать городов русских». В городских цивилизациях на первое место выступает идея преобразования, где пространство воспринимается как текст или проект. Так, жители Венеции борются с морем, устанавливая свайные фундаменты, при этом романтизируют воду посредством каналов и карнавалов. Петербург — самый европейский город России — воплощение идеи насильственного создания центра на болоте.

Преобразуя пространство вокруг себя, человек эстетизирует его, наделяет его «смыслом и красотой»: для кочевников красота в движении, воспетая в песнях о ветре, звоне подвесок на одежде; для земледельцев красота в цикличности, что проявляется в орнаменте «оберег» на прялках, в ритме свадебных песен; для жителей городов красота в контроле над пространством, явленном в симметрии дворцовых ансамблей.

Модальности отношения к пространству разнятся: для кочевников необходимостью является выживание в этом пространстве, отсюда динамичная эстетика. Для оседлых важно превратить его в свой образ, и тут проявляется геометризованная эстетика. Горожанам необходимо «переизобрести» пространство, так возникает урбанистическая эстетика. Эстетическое становится следствием ценностного выбора между покорением, гармонией или бегством.

Аспект «цивилизация — культура» актуализирует антропологию этико-эстетического начала в феномене цивилизации, затрагивая вопросы о природе человека, его моральных взглядах, а также о том, как данные аспекты формируют и трансформируют цивилизацию.

С самого зарождения человеческой культуры этическое и эстетическое были неразрывно связаны. Этика возникает как система табу, норм и правил, регулирующих жизнь сообщества. Но она не сводится лишь к утилитарной функции: уже в древних мифах и религиях добро ассоциируется с гармонией, а зло — с хаосом. Эстетика, в свою очередь, выражает саму суть человеческого отношения к миру как познавательно-деятельного: ощущения и восприятия мира, представления о мире. Всё это ведет к формированию инструментов осмысления, преобразования, создания «второй природы». Так, наскальные рисунки, ритуальные танцы, орнаменты на керамике — всё это не только «искусство», но способ осмысления и преобразования бытия.

Можно ли считать этико-эстетическое начало врожденным свойством человека или это продукт культурной эволюции? Цивилизация, в отличие от стихийно развивающихся культур, часто позиционируется как некий проект, в котором этика и эстетика играют ключевую роль. Исследуя философские идеи, мы видим, что философия античности стремилась к калокагатии — единству доброго и прекрасного.

В Средневековье эстетика подчиняется этике, красота является отражением божественного порядка. В эпоху модерна происходит разделение этики (рациональный моральный закон) и эстетики (автономное искусство).

Но всегда ли цивилизация воплощает гармонию? Ф. Ницше, например, видел в ней подавление дионисийского начала, а З. Фрейд — сублимацию запретных импульсов. В современном мире происходит кризис этико-эстетического начала. Сегодня мы наблюдаем релятивизм этики от постмодернистского «нет истины» до конфликта ценностей в мультикультурном мире; коммодификацию эстетики, выражающуюся в восприятии искусства как товара; конвейер бьюти-индустрии. Технологический вызов содержит вопросы: может ли искусственный интеллект создать этический кодекс или подлинное искусство? Если М. Хайдеггер полагал, что «только Бог может нас спасти» [13, р. 45] (перевод наш. — Л. Н., А. С.), то современные трансгуманисты верят в спасение через технологии.

Современное состояние мира вновь актуализирует проблему корреляции культуры и цивилизации — одну из ключевых в философской антропологии и социальной философии. Эти два понятия часто противопоставляют, отождествляют или рассматривают в диалектической взаимосвязи. Обозначим существующие в этом противопоставлении три позиции в понимании коррелята «культура — цивилизация»:

а) «органическое — механическое» (О. Шпенглер, Г. Зиммель), где культура является живой, стихийно вырастающей из духа народа (мифы, язык, искусство, религия); культура иррациональна, эмоциональна и уникальна для каждого локального общества; цивилизация — мертвая формализация культуры (технологии, бюрократия, стандартизация, механизация); по Шпенглеру, это «смерть культуры», переход от творчества к прагматизму (греческая трагедия является воплощением культуры, а римское право — проявлением цивилизации);

б) «ценности — институты» (М. Вебер, П. Сорокин). Культура — система смыслов, символов и ценностей (религия, искусство, этика); цивилизация — материальная и социальная инфраструктура (экономика, технологии, государство), пример в истории: протестантская этика (культура) породила капитализм (цивилизацию);

в) диалектика «базиса и надстройки» (К. Маркс). Цивилизация ближе к базису как способу производства, а культура — к надстройке, т. е. к идеологии и искусству; критически заострив эту позицию, можно сказать, что марксизм редуцирует культуру к экономике.

При обращении к смыслам данных коррелятов возникает мысль о возможности понимания культуры как души, а цивилизации как тела; культуры как внутреннего мира человечества: веры, эстетики, интуиции, а цивилизации как внешнего скелета: города, закона, технологий.

Может ли цивилизация существовать без культуры? Если мы отвечаем на этот вопрос с точки зрения технократической утопии, где главное — эффективность [14], то да. Но, с другой стороны, даже самые рациональные системы, например наука, опираются на культурные ценности, такие как поиск истины, свобода мысли.

Корреляты вызывают еще один вопрос: культура и цивилизация находятся в состоянии конфликта или симбиоза? Рассмотрим возможные сценарии взаимодействия:

- 1) гармония отношений в Античности: греческий полис — единство философии (культура) и демократии (цивилизация);
- 2) подавление культуры [15]: цивилизация как машина контроля уничтожает самостоятельность искусства и морали;
- 3) бунт культуры (романтизм, контркультура 1960-х): отрицание технократии во имя «подлинности».

Из вышеизложенного возникает вопрос о формировании субъекта российской имперской культуры со сложной этносоциальной идентичностью (русско-славянской, малороссийской, тюркско-татарской). Очевидные примеры такого субъекта в музыкальных репрезентациях: темы концертов С. Рахманинова, творчество «Могучей кучки» и членство в ней Ц. Кюи. Галломания Л. Н. Толстого, русские пейзажи И. И. Левитана и единый для всех А. С. Пушкин как выход к типу гражданина мира. Репрезентации имперского субъекта культуры можно обнаружить в интеллектуальной культуре: научной, философской, в репрезентациях художественной литературы, где русская идея сопряжена с телеологией и смыслами Вселенной как домом человечества. Однако это вопрос дальнейшего исследования.

Заключение (Conclusion)

Таким образом, осмысление философско-антропологических оснований устойчивости цивилизации на примере русской цивилизации выводит к идее формирования субъекта культуры — гражданина мира, готового принять, интегрировать мир как свой и бескорыстно раскрыть миру себя. Эта антропологическая ситуация имела место в истории культуры нашего отечества. Чувство огромного пространства, дарующего эстетику свободы, чувство судьбы на этих просторах как своей доли, долга, как своего счастья бытия, как части общего соборного бытия всех вместе и каждого в отдельности — всё это выработалось в процессе становления русской цивилизации на основе земли-природы — мать-и-мачехи, требующей труда и защиты; на основе социальности, формируемой на огромных континентальных пространствах, обоюдных набегов и замирений в понимании необходимости единства, преодолевающего междоусобные распри и множественности сохранения этнокультурных идентичностей; на основе признания этих разнообразных идентичностей, ставших источником складывания великой мировой культуры, которой нет равных. Всё это представляет собой культурный код современного россиянина, что позволяет осуществить еще одно моделирование в аспекте оппозиции «цивилизация — человек».

1. Каган М. С. Философия культуры. СПб. : Петрополис, 1996. 416 с.
2. Кант И. О педагогике // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 8. С. 399–458.
3. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / пер. с нем. А. М. Водена ; вступ. ст. А. В. Гулыги. 2-е изд., испр. СПб. : Наука, 2020. 479 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М. : Ин-т русской цивилизации, 2011. 816 с.
5. Шпенглер О. Закат Европы : очерки морфологии мировой истории : в 2 т. / пер. с нем. И. И. Маханькова. М. : Академический проект, 2020. Т. 1. 527 с.
6. Тойнби А. Дж. Постигание истории: избранное / пер. с англ. Е. Д. Жаркова. М. : Айрис-пресс, 2010. 640 с.
7. Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб. : С.-Петербург. гуманитар. ун-т профсоюзов, 2011. 407 с.
8. Экарева И. Л. Цивилизация: постановка вопроса и понятийный аппарат // Вестн. Рос. экон. акад. им. Г. В. Плеханова. 2005. № 4. С. 16–24. Электрон. версия. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsivilizatsiya-postanovka-voprosa-i-ponyatiynyuy-apparat/viewer> (дата обращения: 10.07.2025).
9. Бердяев Н. А. Смысл истории. М. : Мысль, 1990. 175 с.
10. Запесоцкий А. С. Культурология Дмитрия Лихачева. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гуманитар. ун-та профсоюзов, 2007. 328 с.
11. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. : Наука, 1981. 608 с.
12. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. М. : Наука, 1985. Т. 2. 510 с.
13. Heidegger: The Man and The Thinker / ed. T. Sheehan. New Brunswick : Transaction Publisher, 2010. 334 p.
14. Хаксли О. О дивный новый мир / пер. с англ. О. Сороки ; предисл. П. Вайля. М. : АСТ, 2022. 288 с.
15. Оруэлл Дж. 1984 / пер. с англ. В. Голышева ; послесл. А. Зверева. М. : АСТ, 2021. 320 с.